

З. Д. ПОПОВА
(Воронеж)

КАТЕГОРИЯ СЛАВЯНСКОГО ГЛАГОЛЬНОГО ВИДА: ДИСКУССИИ, ВОЗМОЖНЫЕ РЕШЕНИЯ

В статье показано, что структуризация системы языка не исчерпывается грамматическими, словообразовательными и лексико-грамматическими категориями. Показано, что категория вида может быть обозначена как категория *лексико-словообразовательная*, поскольку именно лексико-семантические группы глаголов по-разному маркируются возможностями видообразования.

Ключевые слова: глагольный вид, приставки, суффиксы, лексико-грамматические категории, лексико-словообразовательные категории.

Видовые пары глаголов — собственно славянское явление, с этим соглашаются все аспектологи, хотя известно, что видовую систему знают и балтийские языки, в которых она находится как бы на половине пути по сравнению со славянскими языками (Достал, IV Международный..., 1962, с. 205). Известно, что в балто-славянский период происходили общие процессы, например, и в тех, и в других языках образовался инфинитив на **-ti** (Нахтигал, 1963, с. 110).

Мнения учёных о периоде возникновения видовых различий славянских глаголов расходятся в большом диапазоне. Некоторые авторы считают, что виды были уже в общеславянском (праславянском) языке (Нахтигал, 1963, с.105; Мейе, 1951, с. 160; Матвеева-Исаева, 1958). Другие учёные либо отрицают это утверждение, либо скептически к нему относятся (Кодухов, Степанова, 1958, с. 210). Многие слависты находят, что виды развивались в каждом славянском языке отдельно (Кондрашов, 1955, с. 48).

В праславянском языке были глагольные пары, различавшиеся по определенности/неопределенности действия, а вид развивался на их основе уже после расхождения славян на отдельные народы (Бородич, 1953, с. 70, Маслов, IV Международный..., 1962, с. 186). Большинство авторов связывает появление видов с угасанием аориста

и имперфекта (Курилович, 1962, с. 164). Само же появление имперфекта относится к праславянскому периоду (Нахтигал, 1963, с. 136). Стало быть, виды не могли появиться до этого периода. Различие определенно-моторных и неопределенно-моторных основ глаголов вело к различению конкретности и отвлеченности действий, и это породило развитие аориста и имперфекта. А на основе их противопоставления появлялись значения совершенного и несовершенного видов. Но глаголы перемещения (бежать — бегать, лететь — летать и другие) до сих пор сохранили древнейшее различие определенного/неопределенного движения (Чешко, 1951, с. 328–344).

Обзор приведенных точек зрения убеждает нас в том, что в праславянском языке видов ещё не было, что они стали развиваться после распада праславянского языка. Об этом же говорят и сопоставительные исследования, которые обнаруживают большие различия в значениях и составе оппозиций видовых форм в разных славянских языках (Иванчев, 1969). В сербо-хорватском языке И. Грицкат находит особенно много двувидовых глаголов, что необычно для славянских языков (Грицкат, 1957–1958). А. Г. Широкова описывает особенности значений многократных глаголов чешского языка (Широкова, 1965). Ю.С. Маслов, рассматривая видовые значения имперфектных форм (в современном русском языке они обычно имеют несовершенный вид), показывает, что в древнерусском, древнечешском, в старославянском, в новоболгарском языках они нередко имеют совершенный вид (Маслов, 1954). Можно считать установленным, что в славянских языках система глагольных видов формировалась раздельно и не в одно время (Бородич, IV Международный..., 1962, с. 205).

Из сказанного следует, что становление системы видовых пар в каждом славянском языке протекало автономно и его правомерно рассматривать в рамках каждой отдельной славянской языковой системы.

Обратимся к процессу систематизации видовых пар в русском языке.

Этот процесс продолжался в течение многих столетий, что дало повод лингвистам, изучавшим этот процесс, относить становление современной системы глагольных видов к достаточно поздним периодам истории русской грамматики. С. Д. Никифоров полагал, что систематизация категории вида проходила в XVI веке, когда этот процесс наблюдался в бытовой и канцелярской речи, а видовые отношения перекрывали более ранние способы выражения отношений длительности, времени и другие (Никифоров, 1952).

В. Б. Силина показывает конкуренцию средств имперфективации в течение всего исторического периода как по отдельным глаголам, так и по отдельным суффиксам. По её мнению, современный облик системы видов сложился лишь к началу XIX века (Силина, 1982, с. 274–275).

Система видовых корреляций русского глагола многослойна, поскольку складывалась на разных этапах истории грамматического строя русского языка, — так характеризует этот процесс академик В.В. Виноградов. Старые элементы частично сохранялись, частично приспособлялись к более новым соотношениям форм (Виноградов, 1947, с. 502).

Длительность формирования категории вида в русском языке объясняет, почему на разных временных срезах набор видовых пар менялся и варьировался. И в современном русском языке многие глаголы не имеют видовой пары. И. П. Мучник рассмотрел 9 тысяч глаголов по наличию/ отсутствию видовой пары и подсчитал, что пару имеют 64% глаголов, только форму сов. вида имеют 5 % глаголов и только форму несов. вида — 31% глаголов (Мучник, 1956, с. 94). Материал показывает, что тенденция к развитию видовых пар является магистральной, и тем не менее одновидовые глаголы продолжают сохраняться. Причину их сохранения убедительно разъяснила М. Гиро-Вебер (Гиро-Вебер, 1990, с. 108). Исследовательница нашла соответствие между семантическими и аспектуальными классами глаголов: адинамичные глаголы являются непарными глаголами несов. вида, динамично-постепенные имеют пары с полной функциональной парадигмой, динамично-моментальные могут иметь пары с неполной функциональной парадигмой или быть непарными формами сов. вида.

Необходимость учитывать лексико-семантические особенности глаголов при изучении категории вида, несомненно, ощущается многими учёными. О высоком удельном весе лексического компонента в развитии категории вида пишет Ю. С. Маслов (Маслов, 1954). Н.С. Авилова обратила внимание на то, что многозначные глаголы по одному значению имеют видовую пару, а по другому — не имеют (Авилова, 1972, с. 271).

Для понимания природы глагольного вида, на наш взгляд, многое дает анализ так называемых способов образования видовых пар, и прежде всего — участвующих в образовании видов **префиксов и суффиксов**.

Рассматривая приставки как одно из средств образования видовых пар, аспектологи приложили немало усилий, чтобы найти

так называемые чистовидовые приставки. При этом приставки рассматривались непосредственно в видовых парах глаголов, а внутренняя логика семантического развития приставки во внимание не принималась.

Занявшись изучением семантического устройства приставок, мы не ставили своей задачей обсуждение проблем аспектологии. Нас интересовала система значений каждой глагольной приставки (Волохина, Попова, 1993). Но в процессе работы мы обязательно «выходили» на те семантические компоненты, которыми интересуются аспектологи. В результате мы получили возможность дать свой ответ и на вопрос о «чистовидовых» приставках.

Несколько слов о нашем подходе к изучению семантики приставок. Мы исходили из гипотезы о наличии у приставки собственной семантики, которая в отличие от целостности значения слова (семемы) исчерпывается небольшим семантическим компонентом (семой), более или менее сложным, то есть способным включать в себя еще более мелкие компоненты. Сема приставки подобно семемам слов проходит путь семантического развития от конкретных признаков, обычно пространственных (такие семы мы называем денотативными первичными и кратко обозначаем Д1), к непространственным, но конкретным физическим признакам (такие семы мы называем денотативными вторичными и обозначаем Д2), а затем и к образным мотивированным, логически связанным с денотативными (эти семы мы называем коннотативными и обозначаем К1). При разрыве мотивированных связей с денотативными семами приставка несет сему коннотативную немотивированную — К2 (подробнее характеристику денотативных и коннотативных сем и семем см.: Копыленко, Попова, 1978, с. 43–76).

Так, например, сема Д1 приставки **вы-** обнаруживается в глаголах перемещения (*выбежать из комнаты, вынести вещи во двор*). Эту сему можно определить как «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления снаружи».

В словосочетаниях *вырезать звёздочку из бумаги, выдолбить ложку из полена, вырубить куб из льда* у приставки **вы-** находим сему Д2 «изготовить предмет способом удаления частей из целого».

В сочетании с глаголами речевой деятельности (*вымолвить слово, высказать мнение, выкрикнуть фамилию*) у приставки **вы-** мы определяем сему К1, а именно «сделать звук доступным для слуха движением воздуха из легких через гортань наружу». Между этой

семой и семой Д1 той же приставки имеется общий мотивирующий признак «изнутри наружу».

В словосочетаниях *высидеть, вылежать три дня, выстоять шесть часов на ногах и подобных* сема приставки **вы-** может быть определена как «успешно достичь конца срока неприятного, мучительного состояния». У этой семы мы не находим общих семантических признаков с денотативными семами той же приставки, и такую сему мы определяем как К2.

Весь набор сем одной приставки рассмотренных во всех системных отношениях, мы называем её семантическим устройством. Приставка вносит свою сему в семему слова, которая формируется как иерархия сем (подробнее об устройстве семемы см. Попова, Стернин, 1984, с. 39–64).

Исследование семантического устройства русских глагольных приставок по описанной выше методике показало, что в статусе К2 приставки несут такие семы, как значение предельной исчерпанности объектов действия, предела возможностей действия (**вы-**: *выездить всю область, выбежать свои 2 часа; из-*: *избегать весь город*); другие предельные значения: «действовать чрезмерно, интенсивно, с отрицательным результатом» — (**до-**: *доругаться до развода, досмеяться до слез*); значение окончания действия: «завершить воздействие на объект, достигнув полного результата», (**у-**: *убаюкать ребенка*) иди его начала (**за-**: *затосковать*) и нек. другие.

Многие семы К2 разных приставок по сути дела передают одни и те же значения высокого уровня обобщения, такие, как «кончить», «начать», «много», «мало» и т.п. Эти значения служат основанием для синонимического сближения разных приставок на уровне сем К2 (отчасти и сем К1).

Именно в сфере синонимии по семам К2 и К1 рождается проблема «чистовидовых» приставок.

Среди разнообразных сем, которые несут приставки, заметное место в статусе К2, иногда в статусе К1, занимают семы получения результата или предела действия, исчерпанности возможностей действия. Приставки с такими семами способны участвовать в создании формы глагола совершенного вида: *сеять — высеять семена, работать — доработать, сверкать — отсверкать, топтать — утоптать*. Однако получившаяся новая семема, например, «закончить перемещение семян из сеялки в землю» (*высеять*) при необходимости может быть представлена и в форме несовершенного вида: «перемещать семена из сеялки в землю» — *высеивать семена* и т.д.

Лишь небольшое число ЛСГ глаголов, в которых приставка несет значение «завершить одноактное действие», не может образовать с этой же приставкой форму несовершенного вида (например, *скомандовать*).

Исследователи уже неоднократно писали, что возможности взаимозамены «чистовидовых» приставок ограничены, что приставки по своей природе лексичны, что они сопряжены с конкретной ЛСГ глаголов и не могут быть от нее отвлечены (Тихонов, 1962).

Наши материалы подтверждают, что каждая приставка может сочетаться лишь с теми ЛСГ глаголов, которые по своим семам согласуются с семами приставки.

Этот факт объясняет, почему замена «видовых» приставок в конкретной глагольной форме, как правило, невозможна, а синонимия «видовых» приставок иллюзорна.

Рассмотрим приставки, обозначающие окончание действия.

Приставка *у-* имеет сему Д1: «начало перемещения субъекта/объекта в непосредственной близости к наблюдателю до исчезновения из его поля зрения»: *уехать из города в деревню*. У нее есть сема К2: «окончание действия», развившаяся, как можно предполагать, на основе признака *исчезновение* (*угаснуть, утонуть*). Этот же признак (*исчезновение*) должен быть и в глаголе, принимающем в совершенном виде приставку *у-*.

Приставка *до-*, имеющая сему Д1: «окончание перемещения субъекта/объекта в непосредственной близости к пространственному ориентиру, служащему пределом линии перемещения» — *доехать до дома*, несет сему К1: «последний этап длительного действия» — *довязать чулок, досушить одежду*. Глагол, в который она входит, обозначает длительное, многоэтапное действие.

Приставка *из-*, которая в статусе Д1 обозначает «начало перемещения субъекта/объекта во внутренней части пространственного ориентира до появления снаружи» (*изгнать из храма*), имеет сему К2: «исчерпанность пространства или количества объектов действия» (*искапать весь передник, исчертить всю карту стрелками, истрелять все патроны*). Немотивированность этой семы расширяет сочетаемостные возможности приставки *из-*, однако идея исчерпанности должна быть поддержана семемой бесприставочного глагола (*объектное действие*).

Приставка *на-*, имеющая сему Д1: «окончание перемещения движущихся сбоку и сверху субъекта/объекта соприкосновением с поверхностью пространственного ориентира» (*наступить на ковер*),

несет и сему К1: «завершение действия, выполняемого на поверхности»: *написать на обрывке бумаги, нарисовать портрет на холсте*. Глагол, в который она входит, должен обозначать именно такое действие (*на поверхности*).

Приставка **пере-** в статусе Д1 обозначает «окончание перемещения субъекта/объекта из одного пункта в другой по кратчайшему измерению пространственного ориентира»: *переплыть реку, перепрыгнуть через забор, переехать из Петербурга в Москву*. Она несет также сему К2: «завершить действие, объекты которого обрабатываются поочередно»: *перемыть всю посуду, перестричь всех овец*. Такая приставка, следовательно, возможна у глаголов переходных.

Приставка **про-**, имеющая сему Д1: «окончание перемещения субъекта/объекта, движущегося внутри массы пространственного ориентира и по его кратчайшему измерению» (*пройти сквозь дым, проехать через туннель, проехать мимо вокзала*), несет и сему К2: «завершить длительное действие, совершающееся непрерывно» (*прооперировать больного, простирать белье*). Глаголы, принимающие приставку, обозначают соответственно длительное непрерывное действие.

Получается, что все приставки, будто бы указывающие на окончание действия, фактически несут сему завершения совершенно конкретных действий, а именно:

- исчезновения субъекта/объекта (**у-**);
- длительного, поэтапного действия (**до-**);
- действия, охватывающего большое пространство, многие объекты (**из-**);
- действия, распространяющегося на многие объекты в порядке очереди (**пере-**);
- действия длительного, совершающегося непрерывно (**про-**).

Обратимся к рассмотрению группы приставок «начинательного» значения.

«Начинательные» приставки **за-**, **воз-** и **по-** также не взаимозаменяемы и по ЛСГ глаголов и стилистически (наиболее ограничено употребление приставки **воз-**).

Приставка **за-** имеет сему Д1: «окончание перемещения субъекта/объекта в пространстве, находящемся вне поля зрения наблюдателя»: *заехать за дом, заехать неизвестно куда*. Ее начинательные семы (семы К2) систематизируются относительно ЛСГ глаголов, а именно:

- «начать разнонаправленное перемещение»: *забегать по комнате*;
- «начать длящееся, состоящее из однородных фаз действие»: *запеть песню, затрясти дерево*;
- «Начать быть в состоянии»: *задымить (о костре), затосковать (начать тосковать)*.

Приставка **воз-** в статусе Д1 обозначает «окончание начавшегося внизу перемещения субъекта/объекта в верхней части пространственного ориентира»: *взойти на гору*.

Начинательные значения этой приставки обычно сохраняют признак «снизу вверх»:

- «начать разнонаправленное перемещение: *взбегаться*;
- «начать действие внезапно, резко, сильно»: *взвыть, взречь, вскричать, взблеснуть*;
- «начать длительное говорение, свечение, бурное эмоциональное переживание»: *возговорить, воссиять (о звезде), возненавидеть*.

Как видно из примеров, движение «снизу вверх» может быть не только пространственным, но и психологическим, эмоционально переживаемым. Многие глаголы с приставкой **воз-** в современном русском языке относятся к «высокому», книжному стилю.

Приставка **по-**, не имеющая в современном русском языке пространственной семы Д1, в статусе К2 выражает значения:

- «начать перемещение субъекта/объекта»: *пойти, поехать, понести, повезти*;
- «начать существовать, быть» (об атмосферных явлениях): *поить (о дожде), подуть (о ветре)*;
- «начать быть воспринимаемым»: *появиться, послышаться*;
- «начать быть в состоянии»: *полюбить, поверить*.

Таким образом, хотя во все перечисленные значения приставок **за-**, **воз-**, **по-** входит сема «начинательности», однако «начинаются» разные действия и состояния. Каждая приставка связана с конкретными ЛСГ глаголов, а употребление приставки **воз-** имеет и стилистические ограничения.

Не случайно на роль наиболее перспективных «чистовидовых» приставок аспектологии выдвинули приставки **от-**, **с-**. По нашим данным, эти приставки в силу особенностей своего развития являются наименее лексичными, они почти утратили мотивировочные признаки, которые вынуждают ограничивать сочетаемость.

Так, приставка *от-* имеет сему Д1: «начало перемещения субъекта/объекта в непосредственной близости к пространственному ориентиру»: *отъехать от дома*. У нее несколько сем К2, утративших связь с Д1:

- «завершить разнонаправленное перемещение»: *отъездить, отлетать свое*;
- «завершить длительное, трудоемкое, многоэтапное, напряженное действие»: *отсеять(ся), отплясать(ся), отсверкать*;
- «полностью завершить изготовление изделия»: *отковать подкову, отстроить дворец*;
- «получить результат высокого качества»: *отточить карандаш, открахмалить воротничок*.

Приставка *с-* имеет две омонимичные семы уже в статусе Д1, что дает нам основание разграничивать приставку С1- («начать направленное вниз перемещение субъекта/объекта по поверхности или в верхней части пространственного ориентира»: *съехать с горы*) и приставку С2- («окончить перемещение нескольких субъектов/объектов, движущихся из разных исходных пунктов, в одном конечном пункте»: *съехаться в школу, согнать овец в загон*).

На основе сем приставки С1- выводятся такие семы, как

- «нанести вещество сверху, немного»: *смазать, смочить, сбрызнуть*;
- «удалить из поля зрения, сделать недоступным»: *спрятать, схоронить, стащить, своровать*;
- «уничтожить»: *сжечь, сгрызть*.

На основе сем приставки С2- могут быть предположительно объяснимы такие семы К2, как

- «завершить изменение состояния»: *созреть, согреть, стемнеть*;
- «получить результат собирательного действия»: *сосчитать деньги, сделать дело*;
- «завершить разнонаправленное действие одним полезным результатом»: *сманеврировать, схитрить*;
- «завершить речевое многократное действие в одной временной точке»: *скомандовать, солгать*.

Ни одно из этих значений не является семантически пустым, т.е. не указывает только на «вид», напротив, каждое содержит и разнообразные индивидуальные семы, благодаря которым эти приставки не допускают свободной сочетаемости с любым глаголом. Многие из

этих приставочных глаголов способны иметь обе видовые формы, различаемые по суффиксам (*смазать* — *смазывать*, *сжечь* — *сжигать*, *согреть* — *согревать*).

Ряд приставок не имеет столь обобщенных значений, как «завершить» или «начать» (*в-, над-, под-*), некоторые приставки весьма проблематично определяются как «результативные» (*при-, раз-, об-, по-*), так как очень мало глаголов в тех лексико-семантических разрядах, которые допускают такое толкование (типа: *оглохнуть*, *придушить*, *поблагодарить*, *разбудить* и нек. др.), и кроме того эти приставки выражают иные, не результативные значения.

Например, приставка *при-*, имеющая сему Д1: «окончание перемещения субъекта/объекта в поле зрения наблюдателя»: *приехать в школу*, — несет следующие нерезультативные семы К2:

- «немного, слегка, недолго»: *притормозить*, *пригреть землю*, *прилечь*;
- «возникнуть в мыслях»: *присниться*, *пригрезиться*;
- дополнительным усилием закончить ликвидацию: *придушить змею*, *притушить свечу*.

Приставка *раз-*, имеющая сему Д1: «начало перемещения нескольких субъектов/объектов из общей исходной точки в разные стороны» — *разъехаться*, *развезти вещи по квартирам*, — несет следующие нерезультативные семы К2:

- «начать действие и продолжать его, усиливая»: *разгореться*, *разыгаться*;
- «со всех сторон»: *разглядеть*, *расцеловать*;
- «чрезмерно»: *расхвалить*;
- «тщательно»: *разрисовать*.

Есть приставки, которые у одних глаголов выражают значение «начать», а у других «кончить» (ср.: *запеть* — *завершить*, *полюбить* — *поблагодарить*) или наряду с фазовым значением имеют целый ряд других сем К2.

Например, приставка *вы-*, наряду со значением «завершить действие, получив полностью результат» (*выкормить поросенка*), может иметь значение «разрушить, уничтожить полностью» (*вырубить лес*); «создать новый объект из исходного материала» (*выпечь хлеб из муки*); «получить, прилагая усилия, желаемый предмет, информацию» (*высудить дом*, *выследить зверя*) и нек. др.

Приставка *на-*, наряду со значением «получить результат» (*нагреть воду*), может иметь и другие, нефазовые значения: «прибавить

сверх нормы» (*наценить*); «поверхностно, слегка» (*напеть, нанести*); «в большом количестве (*нанести подарок*) и нек. др.

Итак, приставка всегда используется как словообразовательное средство, вносящее в семему производного глагола некоторую новую сему, лексически отличающую его от глагола производящего. То, что при этом получают во многих случаях формы глаголов совершенного вида, зависит от лексического и от словообразовательного значения производного глагола, а не от приставки. В большинстве случаев приставочные глаголы с помощью суффиксов образуют и формы несовершенного вида.

Мы пришли к убеждению, что чистовидовых приставок не существует и потому искать решение проблемы вида в семантике глагольных приставок бесперспективно.

Весьма ободряющее подтверждение нашим выводам мы нашли в статье М. Комарека, изучавшего этот вопрос на материале чешского языка, категорию чистовидовых приставок автор отвергает (Komárek, 1984). С помощью приставки глагол перемещается в новый классификационный разряд, а изменение его вида является следствием этого перемещения.

Теперь о **суффиксах**. Многие слависты признают, что видовые оппозиции в наиболее «чистом» виде создаются суффиксами.

Виды возникали не потому, — пишет В. В. Бородич, — что появились приставки (они есть во всех индоевропейских языках), а потому что появились противопоставления одинаковых основ с приставками, но с разными суффиксами неопределенности. Все «неопределенные» глаголы стали формами несовершенного вида (Бородич, 1953, с. 83).

В суффиксальных видовых корреляциях проявляется полностью абстрагированный и унифицированный грамматический процесс. Префиксальные корреляции не обладают такой полнотой абстрагированности от деривационных процессов, — заметил И. П. Мучник (Мучник, 1956, с. 96–106).

Первым этапом появления видовых оппозиций праславянского языка считает оппозиции суффиксального типа И. Немец. В этот период, — отмечает учёный, — приставки не различали вида (Немец, IV Международный..., 1962, с.183–185).

Ю. С. Маслов заметил, что суффиксальная имперфективация создает видовые формы чисто грамматически без примеси лексических различий (Маслов, 1978, с. 27).

Автор одной из наиболее фундаментальных работ по видам В. Б. Силина (Силина, 1982, с.159, 273) утверждает, что главным стержнем морфологической системы вида является суффиксальная имперфективация. С этим согласен и чешский лингвист М. Комарек (Komárek, 1984, s. 266), который признает единственным морфологическим приёмом образования видовых пар суффиксацию.

При сопоставлении роли суффиксов и приставок в образовании видов исследователи на первое место обычно выдвигают суффиксы (Кравченко, 2004, с. 121, Рахманкулова, 2004, с. 6).

Так же оценивают роль суффиксов в образовании видов и авторы Академической грамматики 1970 года: «суффиксация создает более близкое видовое соотношение, более тесную видовую пару, члены которой всегда имеют тождественное лексическое значение» (Грамматика современного..., 1970, с. 338).

Обратившись к изучению семантики русских глагольных суффиксов, мы обнаружили, что многие живые в настоящее время суффиксы унаследованы из индоевропейского периода (*-а-*, *-я-* *-ва-*, *-и-*, *-е-* *-ну-* и некоторые другие) или из праславянского языка (Бородич, 1953, с.83–85; Кузнецов, 1953, с.233; Фортунатов, 1957, с.283; Георгиев, 1958, с.20; Сигалов, 1962, с. 55; Силина, 1982, с.170 и другие). Это значит, что они функционировали в системе языка до образования видов. Об этом же свидетельствует, на наш взгляд, и то обстоятельство, что некоторые суффиксы и в современном русском языке используются не только при образовании видовых пар, но и в других собственно словообразовательных функциях.

Например, суффикс *-ну-* используется в двух группах глаголов с разным значением. Одна из этих групп — глаголы одноактного действия, которые имеют совершенный вид (*стукнуть*, *крикнуть*), а другая — глаголы со значением состояния, непрерывной деятельности, приобретения и утраты качества, признака (*вянуть*, *гаснуть*), которые имеют несовершенный вид. А суффикс *-и-*, обычный в глаголах несов. вида (*кипятить*, *синить*, *теребить*, *скулить*), обнаруживается и в глаголах сов. вида (*занозить*, *пленить*, *ударить*, *сузить*) и в двувидовых глаголах (*ранить*, *крестить*).

Иными словами, и суффиксы ведут себя непоследовательно, и их функции не вполне однозначны. Все это и приводит к колебаниям в решении вопроса о статусе категории глагольного вида в системе языка.

Традиционно категория вида глаголов рассматривается в морфологии, то есть как категория грамматическая, как бы словоизменительная, а иногда — компромиссно — как формообразовательная. Но

чтобы отнести ту или иную категорию словоформ к грамматической, обычно определяют её грамматическое значение. Полагают, что словоизменительная морфема должна соединяться со всеми словами определенного класса, то есть если в системе языка есть склонение существительных, то все их словоформы всегда выступают в речи в форме того или иного падежа. Для категории вида критерием грамматичности обычно считается её связь с категорией времени глагола (Красухин, 2005, с.25–26). Бесспорно, что глаголы несов. вида имеют три формы времени (*гулял, гуляю, буду гулять*), а глаголы сов. вида — только две (*погулял, погуляю*), что объясняется их значением, но вот это-то значение и нужно определить для признания категории грамматической. Попытки определить это значение делались многими аспектологами, но чёткостью и определенностью полученные формулировки не отличаются.

Вид выражает характер самого действия с точки зрения его протекания во времени, — писал П. С. Кузнецов, — и совмещает в себе систему отношений различного порядка (Кузнецов, 1953, с. 222, 225). А. Мазон полагает, что вид возник из направленности внимания либо на длительность или повторяемость действия, либо на развитие или завершение, либо на точечное начало или завершение действия (IV Международный..., 1962, с. 10). И. Леков предлагает для сов. вида термин *ограниченность*, а для несов. вида — *неограниченность* (IV Международный..., 1962, с. 15). А. В. Кравченко осмысляет категорию вида с точки зрения фигуры наблюдателя. В перфективном значении для наблюдателя действие было в прошлом, а результат действия — в настоящем. Наблюдатель видит этот результат. Базовые значения сов. вида отмечаются у глаголов движения и перемещения, только у них обнаруживается *предельность* в смысле *исчерпанность действия* (Кравченко, 2004, с. 140).

Но и те авторы, которые относят категорию вида к грамматическим, делают разнообразные оговорки. Категория вида не грамматикализована полностью, — писал Н. С. Пospelов, — так как многие лексические разряды русских глаголов не имеют парных видовых форм (Пospelов, 1953, с. 54). Н. С. Авилова, признавая категорию вида грамматической, отмечает, что это категория особого лексико-грамматического или классификационного типа (Авилова, 1972, с. 271). Ф. Леман признает вид грамматической категорией, так как существует максимальная продуктивность словообразовательных аффиксов, благодаря чему лексическое противопоставление перешло в грамматическое. Однако, по мнению учёного, в узкое понимание

грамматикализации развитие вида не укладывается (What makes..., 2005, с.139).

Давались и такие определения грамматического значения категории вида, которые объединяли бы её в одно целое. Например. И. А. Фигуровский отстаивал для этой категории значение *длительности/недлительности действия* (Фигуровский, 2004, с. 322). А. Г. Руднев признавал разнородность грамматического значения категории вида (*длительность, мгновенность, непрерывность, кратность*), но на первое место выдвигал значение *результативности/ нерезультативности действия* (IV Международный..., 1962, с. 201).

Ю. С. Степанов считает, что семантика вида состоит в полагании *предела действия*, что семантика вида свободно оппозитивна (Степанов, 1976, с. 413).

А. В. Бондарко последовательно постулирует для категории вида грамматическое значение *предельность/непредельность действия* (Бондарко, 1991, с. 224). Это наиболее распространенное толкование значения категории вида в русской аспектологии и в настоящее время (Петрухина, 2005). Но Е. В. Падучева полагает, что *предельность* заложена в классе глагола и не порождается формой вида (Падучева, 2004, с. 51).

Сделанный обзор приводит к тому же выводу, который сделала М. Я. Гловинская: общее значение видового противопоставления (инвариант) дискуссионно, трудноуловимо и абстрактно; лексические значения в глаголах, образующих пару, бесконечно индивидуальны и разнообразны. Проблема инварианта категории вида приобретает чисто теоретический, умозрительный характер (Гловинская, 2001).

Все эти трудности привели исследователей к мысли разделить категорию вида и категорию аспектов глагольного действия. Способы глагольного действия могут иметь формальные показатели (суффиксы, приставки, фазисные слова), но могут определяться и по контексту (Ломов, 1977, с. 30–31). А. Г. Пазельская, разделяя вид и аспект, подчеркивает, что аспект — это компонент лексического значения (Пазельская, 2003, с. 77). К. Г. Красухин же разделяет аспект и способы действия, он считает, что аспект — это сугубо грамматическая категория, а способ действия — лексическая и словообразовательная (Красухин, 2005, с. 25). В одной из последних работ, затрагивающих этот вопрос, сказано: «В современной аспектологии можно считать устоявшимся противопоставление между словоизменительным (или словообразовательным) собственно аспектуальным значением и лексическим значением способа действия...» (Шлуинский, 2006, с. 49).

Лексические значения способов действия также неоднократно просчитывались. Предлагались, например, такие значения, как *наглядно-примерное, конкретно-процессное, неограниченно-кратное, ограниченно-кратное, обобщенно-фактическое и многие другие*. По разным классификациям их насчитывается от 7 до 40, причем обычно оговаривается, что определить их можно только с опорой на лексическое значение глагола и контекст.

Логично, что многие авторы все больше склоняются к признанию вида категорией словообразовательной. Ещё С. Карцевский считал видовые формы частным случаем глагольного словообразования (см.: Мучник, 1956, с. 105). А. Вайан трактовал видовые формы как самостоятельные глаголы, но связанные между собою тем, что образуются друг от друга и различаются по словообразовательным типам (Вайан, 1952, с. 354). Глаголы различных видов современного русского языка, образованные от одного и того же корня, — писал П. Г. Кузнецов, — являются самостоятельными глагольными лексемами, располагающими каждая своей системой форм (Кузнецов, 1953, с. 228). К этому мнению склоняются и другие авторы (Исаченко, IV Международный..., 1962, с. 203, Янко-Триницкая, 2001 и другие). Подробно аргументирует признание вида глаголов категорией словообразовательной И. Г. Милославский (Милославский, 1989).

Достаточно адекватную, на наш взгляд, интерпретацию категории глагольного вида дает А. М. Ломов, который подчеркивает, что эта категория ориентирована не на слово, а на его лексико-семантические варианты. Видовые пары могут быть формами одного слова, но могут быть и разными словами или словами, близкими по значению, но частично различающимися (Ломов, 1977, с. 19–20). И действительно, можно *сбиться и сбиваться в кучу, в стаю, но рассказ только сбивается на сказку. Можно склонить и склонять кого-либо к принятию решения, но по надежам можно только склонять. Можно умереть и умирать от тяжелой болезни, но от смеха можно только умирать. Водой или грязью можно и брызнуть, и брызгать, но слезы, свет только брызнули, и ребята только брызнули врассыпную. Головой можно мотнуть и мотать, а нитки можно только мотать. Стадо можно вместе согнать и сгонять, а в магазин можно только сгонять (быстро сбегать туда и обратно)*.

А. М. Ломов пришел к выводу, что категория вида не укладывается без остатка ни в словоизменительные, ни в классификационные категории (Ломов, 1977, с. 19–20).

Действительно, можно выделить множество лексико-семантических групп и разрядов глаголов, способных с помощью того или

иногo суффикса, той или иной приставки и других служебных средств производить видовые пары с тем или иным словообразовательным значением (*результативность, исчерпанность, завершенность действия и т.д.*). Но определить грамматическое значение для всех видовых пар русского глагола не удастся. Несмотря на достаточную регулярность способов «видообразования», на чёткий критерий отсутствия наст. времени у глаголов сов. вида, роль лексического значения глагола или лексико-семантического класса глаголов в образовании/необразовании видовых пар выходит на первый план. Именно лексическое значение глагола определяет его потенции иметь или не иметь видовую пару, именно оно порождает массу иррегулярностей в этой категории таких, как одновидовые глаголы (без пар), двувидовые глаголы, отсутствие пары ввиду её коммуникативной не востребованности (Печникова, 2004, с. 133) и другие.

В терминологическом аппарате современной грамматики помимо *грамматических и словообразовательных категорий*, используются термины *лексико-грамматические разряды* и *лексико-грамматические категории* по отношению к частям речи. Возможно, этим состав терминов грамматики не должен ограничиваться. Категория вида может быть обозначена как категория *лексико-словообразовательная*, поскольку именно лексико-семантические группы глаголов по-разному маркируются возможностями видообразования. Не исключено, что категория вида не единственная лексико-словообразовательная категория в системе языка. Можно было бы рассмотреть с этой точки зрения категорию возвратных глаголов, но это уже другая тема.

Иначе говоря, структурация системы языка не исчерпывается грамматическими, словообразовательными и лексико-грамматическими категориями.

ЛИТЕРАТУРА

- Авилова, Н. С. Категория вида глагола в её отношении к словоизменению/ Н. С. Авилова // Известия АН СССР, ОЛЯ, 1972, № 3. — с. 264–271.
- Бондарко, А. В. Предельность и глагольный вид/ А. В. Бондарко// Известия АН СССР, ОЛЯ, 1991, № 3. — с. 195–206.
- Бородич, В. В. К вопросу о формировании совершенного и несовершенного вида в славянских языках/ В. В. Бородич // Вопр. языкознания, 1953, № 6. — с. 68–86.
- Вайан, А. Руководство по старославянскому языку/ А. Вайан. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1952. — 446 с.

- Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М.-Л.: Учпедгиз, 1947. — 784 с.
- Волохина, Г. А. Русские глагольные приставки. Семантическое устройство, системные отношения/ Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1993. — 194 с.
- Георгиев, В. Балто-славянский, германский и индо-иранский/ В. Георгиев// Славянская филология. Сборник статей. М.: Изд-во АН СССР, 1958. — с. 7–21.
- Гиро-Вебер, М. Вид и семантика русского глагола/ М. Гиро-Вебер// Вопр. языкознания, 1990, № 2. — с. 102–112.
- Гловинская, М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола/ М. Я. Гловинская. — М.: Изд-во Русские словари. Азбуковник, 2001. — 320 с.
- Грамматика современного русского литературного языка/ под редакцией М. Ю. Шведовой. — М.: Наука, 1970. — с. 337–346.
- Грицкат, И. О неким видским особеностима српскохрватског глагола/ И. Грицкат// Јужнословенски филолог, XXII, књ. 1–4. Београд: 1957–1958. — с. 65–130.
- Иванчев, Св. Към характеристиката на глаголния вид в славянските езици/ Св. Иванчев// Славянска филология. Том 3. София, 1962. — с. 59–80.
- Кодухов В. И., Степанова В. В. Комментарии// Матвеева-Исаева Л. В. Лекции по старославянскому языку. Л.: Учпедгиз, 1958. — с. 210
- Кондрашов, Н. А. Славянские языки/ Н. А. Кондрашов. — М.: Учпедгиз, 1955. — 294 с.
- Копыленко, М. М. Очерки по общей фразеологии/ М. М. Копыленко, З. Д. Попова. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1978. — с. 43–76.
- Кравченко, А. В. Язык и восприятие/ А. В. Кравченко. — Иркутск: Изд-во ИрГУ, 2004. — 206 с.
- Красухин, К. Г. Аспекты и времена праиндоевропейского глагола (часть 1)/ К. Г. Красухин // Вопр. языкознания, 2005, № 6. — с. 3–30.
- Кузнецов, П. С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка/ П. С. Кузнецов // Труды ин-та языкознания АН СССР. Том 2. М.: 1953. — с. 220–256.
- Курилович, Е. Заметки об имперфекте и видах в старославянском/ Е. Курилович// Очерки по лингвистике. М.: Изд-во иностр. литературы, 1962. — с. 157–164.
- Ломов, А. М. Очерки по русской аспектологии/ А. М. Ломов. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1977.–140 с.
- Маслов, Ю. С. Имперфект глаголов совершенного вида в славянских языках/ Ю. С. Маслов// Вопросы славянского языкознания Вып. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. — с. 68–138.
- Маслов, Ю. С. К основаниям сопоставительной аспектологии/ Ю. С. Маслов// Вопросы сопоставительной аспектологии. Вып. 1. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. — с. 4–44.
- Матвеева-Исаева, Л. В. Лекции по старославянскому языку/ Л. В. Матвеева-Исаева — Л.: Учпедгиз, 1958. — 224 с.

- Мейе, А. Общеславянский язык/ А. Мейе. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1951. — с. 229–243.
- Милославский, И. Г. Вид русского глагола как словообразовательная категория/ И. Г. Милославский// Филологические науки, 1989, № 4. — с. 37–49.
- Мучник, И. П. О видовых корреляциях и системе спряжения глагола в современном русском языке/ И. П. Мучник// Вопр. языкознания, 1956, № 6. — с. 92–106.
- Нахтигал, Р. Славянские языки/ Р. Нахтигал. — М.: Изд-во иностр. литературы, 1963. — 342 с.
- Никифоров, С. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века/ С. Д. Никифоров. — М.: Изд-во АН СССР, 1952. — 344 с.
- Падучева, Е. В. «Накопитель эффекта» и русская аспектология/ Е. В. Падучева// Вопр. языкознания, 2004, № 5. — с. 46–52.
- Пазельская, А. Г. Аспектуальность и русские предикативные имена/ А. Г. Пазельская// Вопр. языкознания, 2003, № 4. — с. 72–90.
- Петрухина, Е. В. Когнитивные модели времени в русской грамматике/ Е. В. Петрухина// Концептуальные пространства языка. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2005. с.111–128.
- Печникова, Н. А. Вид глагола как элемент системной организации высказывания (на материале вопросительных инфинитивных предложений)/ Н. А. Печникова// Категории в исследовании, описании и преподавании языка. Самара: Изд-во СамГУ, 2004. — с. 127–133.
- Попова, З. Д. Лексическая система языка/ З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1984. — с. 39–64.
- Поспелов, Н. С. Соотношения между грамматическими категориями и частями речи в современном русском языке/ Н. С. Поспелов// Вопр. языкознания, 1953, № 6. — с. 53–64.
- Рахманкулова, И.-Э. С. К вопросу о теории аспектуальности/ И.-Э. С. Рахманкулова// Вопр. языкознания, 2004, № 1. — с. 3–28.
- Сигалов, П. С. Две группы инхоативных глаголов/ П. С. Сигалов// Филологические науки, 1962. — с. 55–64.
- Силина, В. Б. История категории глагольного вида/ В. Б. Силина// Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М.: Наука, 1982. — с. 158–279.
- Степанов, Ю. С. Вид, залог, переходность (балто-славянские проблемы)/ Ю. С. Степанов// Известия АН СССР, ОЛЯ, 1976, № 5. — с. 408–420.
- Тихонов, А. Н. К вопросу о чистовидовых приставках в современном русском языке/ А. Н. Тихонов// Труды Самаркандского ун-та. Новая серия, Вып. 118. Исследования по русскому языку. Самарканд: 1962. — с. 31–57.
- Фигуровский, И. А. Избранные труды/ И. А. Фигуровский — Елец: Изд-во ЕлГУ, 2004. — с. 312–333.
- Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительная морфология индоевропейских языков/ Ф. Ф. Фортунатов// Избранные труды, том 2, М.: Учпедгиз, 1957. — с. 254–426
- IV Международный съезд славистов. Материалы дискуссии. Том второй, М.: Изд-во АН СССР, 1962. — 530 с.

- Чешко, Е. В. К истории славянских глагольных видов/ Е. В. Чешко// Ученые записки ин-та славяноведения. Т. 3, М.: Изд-во АН СССР, 1951. — с. 328–344.
- Широкова, А. Г. Основные значения многократных глаголов в чешском языке/ А. Г. Широкова// Вопр. языкознания, 1965, № 2. — с. 73–84.
- Шлуинский, А. Б. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны/ А. Б. Шлуинский// Вопр. языкознания, 2006, № 1. — с. 46–75.
- Янко-Триницкая, Н. А. Словообразование в современном русском языке/ Н. А. Янко-Триницкая. — М.: Изд-во Индрик, 2001. — 504 с.
- Komárek, Miroslav. Prefixace a slovesný vid (k prefixům prostě vidovým a subsumpci)/ Miroslav Komárek// Slovo a slovesnost, 1984, № 4. — s. 257–267.
- What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components/ W. Bisang, N. Himmelmann, B. Wimler (eds). — Berlin, Mouton de Gruyter, 2004. — 354 p.// Вопр. языкознания, 2005, № 6. — с. 136–142.

Summary

Popova Z. D.

**SLAVIC CATEGORY OF VERBAL ASPECT:
DISCUSSION, POSSIBLE SOLUTIONS**

Investigation of verb aspect in Slavic languages shows that language system includes not only grammatical, word-building and lexico-grammatical categories, but also lexico-derivative categories.